

Дело было не в том, что Чжан Бэйтин совсем не задумывался о подобном, — просто из той информации, которой он располагал, он не мог понять, что здесь вообще есть проблема.

В воспоминаниях прежнего владельца тела лучше всего сохранились встреча свадебного паланкина и сам обряд. Всё, что происходило до этого, осталось размытым.

А Чжан Бэйтин был современным человеком, сам никогда не женился и тем более не разбирался в сложных старинных свадебных церемониях.

Поэтому напоминание Мяо Фэнхуа оказалось для него очень важным.

Он серьёзно поблагодарил её. Они с Сун Яньцином ещё немного посидели у семьи Хэ и только когда дождь ослаб, вернулись домой.

По дороге Чжан Бэйтин тщательно обдумывал услышанное.

В помолвочном письме стояло не имя Сун Яньцина, и сам документ всё ещё находился в чужих руках. Пусть сейчас они бедны и Сун Маоцзу пока не видит смысла использовать письмо против них — одно его существование уже заставляло Бэйтина чувствовать себя как на иголках.

Но со свадьбы прошло больше половины месяца. Лучший момент, чтобы раздуть скандал из-за подмены невесты, уже упущен. Если они хотят забрать документ обратно наверняка, придётся найти другой рычаг.

Чжан Бэйтин долго размышлял, а потом вдруг сказал:

— На кухне осталось немного томатного соуса. Давай ещё пожарим картофель фри — уже для себя.

Сун Яньцин впервые попробовал картофель фри сегодня. Ту большую миску они отнесли семье Хэ, сам он взял всего несколько кусочков и постеснялся есть больше.

Чжан Бэйтин это заметил и по дороге домой купил у соседей ещё несколько картофелин.

То ли из-за профессии, то ли просто по привычке, но думалось ему лучше всего именно во время готовки.

Сун Яньцин понял, что после разговора Мяо Фэнхуа с Бэйтином тот чем-то обеспокоен. Услышав про картофель, он молча пошёл следом на кухню разжигать огонь.

Некоторое время оба молчали. Слышался лишь размеренный стук ножа по доске.

Наконец Сун Яньцин прикусил губу.

— Если тебя что-то тревожит... ты можешь рассказать мне.

Пока Чжан Бэйтин чистил и резал картофель, мысли уже успели выстроиться в более-менее ясный план.

Он положил брусочки в воду, вытер руки и сказал:

— Есть одно дело, в котором без твоей помощи не обойтись.

— Какое?

— Только что тётушка Хэ напомнила мне: помолвочное письмо на имя Сун Яньвань всё ещё у семьи Сун. Как ты думаешь, зная своего отца, после того как он отправил тебя вместо неё, он сохранил этот документ?

При словах о письме лицо Сун Яньцина на мгновение застыло. Но вскоре он успокоился и серьёзно подумал.

— Думаю, сохранил.

На первый взгляд после подмены невесты оно уже никак не могло пригодиться Сун Маоцзу.

Но тот вполне мог считать документ доказательством собственного успеха: ему удалось спасти любимую дочь от невыгодного брака. Именно поэтому он, скорее всего, бережно его оставил.

— Ты раньше говорил, что на празднике фонарей Сун Яньвань встретила более выгодного жениха, — продолжил Чжан Бэйтин. — Ты знаешь, из какой он семьи?

— Из семьи Сюй.

— Той самой, с улицы Циву?

В Юньяне стоило сказать «семья Сюй», и первым делом почти всем приходил в голову именно богатый дом с улицы Циву — один из четырёх крупнейших торговых родов города и хозяева той самой кондитерской Сюй, о которой они не раз слышали с тех пор, как начали продавать бинфэнь.

Сун Яньцин кивнул.

— Но семья огромная. Я не знаю, к какой ветви относится тот человек.

Он рассказал всё, что знал:

— Вчера Юньсю и Яньчао сказали, что к Сунам в последнее время постоянно ходит сваха. Похоже, обсуждают брак Сун Яньвань.

Если сваха уже договорилась с обеими сторонами, следующим этапом должно было стать официальное сватовство и подношение даров.

В голове Чжан Бэйтина постепенно сложился план.

— А какая у семьи Сюй репутация в городе?

— Что происходит внутри большого рода, посторонние не знают, — ответил Сун Яньцин. — Но в Юньяне о них всегда отзывались хорошо. Даже со слугами и работниками они обращаются достойно и простых людей не притесняют.

— Тогда завтра утром идём забирать помолвочное письмо.

Раз уж отправляться за одним, можно заодно вернуть и всё остальное.

— У тебя в доме Сун осталось что-нибудь, что ты хотел бы забрать?

— Нет.

Сун Яньцин покачал головой.

С домом Сун его давно связывала лишь табличка матери. Но ради неё он уже отдал слишком много.

Он не хотел, чтобы даже материнская поминальная табличка продолжала влиять на жизнь, которая наконец начала налаживаться.

Чжан Бэйтин задумался и спросил ещё:

— Твой отец ведь не из тех, кто, разозлившись, сразу полезет драться?

В воспоминаниях прежнего Бэйтина Сун Маоцзу был высоким худощавым мужчиной с манерами учёного. Но если в ярости он способен перейти к силе, стоило взять с собой пару людей.

— Не станет, — ответил Сун Яньцин. — Но потом наверняка придумает что-нибудь другое...

По его памяти, если Сун Маоцзу терпел убыток, то мог ждать сколько угодно, лишь бы однажды вернуть его противнику.

— Это потом, — махнул рукой Чжан Бэйтин. — Будет день — будет и решение.

Он не любил первым задевать людей, но и позволять издеваться над собой не собирался.

После разговора обоим стало легче.

Пожарив картофель, Чжан Бэйтин сходил в комнату и достал брачный договор. Завтра именно он должен был стать главным козырем, который поможет вернуть помолвочное письмо.

Дождь лил весь день и прекратился только после наступления темноты.

На следующее утро небо было чистым и ясным. Оранжево-красный рассвет пробивался сквозь тонкие облака, и всё вокруг казалось покрытым лёгким золотым светом.

Чжан Бэйтин надел старый, выстиранный почти добела халат и не повесил на пояс подаренный мешочек.

Сун Яньцин тоже переоделся в грубую синевато-зелёную одежду, которую когда-то принёс из дома Сун, а серебряную шпильку заменил деревянной.

На завтрак они наскоро съели лепёшки.

Перед выходом Чжан Бэйтин предупредил:

— Сегодня я, возможно, скажу вещи, которые могут тебя задеть. Но ни одно из этих слов не будет искренним. Не принимай их близко к сердцу.

— Я знаю, — кивнул Сун Яньцин.

Они шли за документом. Чтобы получить его проще, Чжан Бэйтину действительно выгоднее было показать, будто он недоволен Яньцином. Объяснять это отдельно даже не требовалось.

Да и без предупреждения Сун Яньцин прекрасно знал, как Бэйтин к нему относится. Несколько неприятных фраз не могли заставить его усомниться.

Дом Сун находился на востоке города. Пешком идти больше часа.

Последние недели Чжан Бэйтин регулярно тренировался, и результат уже чувствовался: всю дорогу он прошёл без остановки и почти не устал.

Когда они добрались, час Чэнь уже подходил к концу.

Главные ворота дома Сун выходили к воде. Перед ними текла небольшая речка, а вдоль берега, как и во многих местах Юньяна, рос ряд ив, сейчас густых и зелёных.

Пожилые женщины и гёры из соседних домов любили сидеть под ними с детьми, спасаясь от жары и обсуждая новости.

Кто-то глазастый сразу заметил Сун Яньцина и Чжан Бэйтина.

— Смотрите, разве это не Яньцин и новый зять семьи Сун? Чего они вдруг сюда пришли?

Все головы тут же повернулись в их сторону.

— Я до сих пор не понимаю эту семью, — негромко сказала одна женщина. — Тогда все думали, что замуж идёт Сун Яньвань, а оказалось — Сун Яньцин.

— Да разве Сун Маоцзу с Яо Юйчжэнь отдали бы любимую Яньвань в обедневший дом? Когда Яньцин вышел замуж, в день возвращения к родителям Сун Маоцзу даже не послал Сун Яньмина за ним.

— А сваха Чжао за последнее время уже трижды ходила к ним. Говорят, Яньвань сватают за кого-то из Сюев.

Чжан Бэйтин и Сун Яньцин быстро прошли мимо, и разговоры сразу стихли. Но любопытные взгляды продолжали сопровождать их.

Ворота дома Сун были закрыты. Чжан Бэйтин стучал некоторое время, прежде чем дверь наконец приоткрылась.

Увидев их, открывший тут же попытался прикрыть её обратно, оставив в щели только голову и половину плеча.

— Зачем пришли?

— Есть дело к тестю, — равнодушно ответил Чжан Бэйтин.

Сун Яньмин скривился.

— Отец с матерью не дома. Уходите.

Сун Яньцин вырос рядом с ним и сразу понял, что тот врёт. Он шагнул вперёд, поднялся на ступеньку.

— Правда не дома?

— Сказал же — нет!

Сун Яньмин вызывающе поднял подбородок.

Чжан Бэйтин улыбнулся.

— Вот как? Тогда придётся сходить на улицу Циву.

— Что ты задумал? — настороженно и уже тише спросил Сун Яньмин.

— Да ничего особенного. Пара вопросов по старой помолвке. Раз тестю слушать неинтересно, расскажу в другом месте. Может, там найдутся люди, которым будет любопытно.

Сун Яньмин несколько мгновений зло сверлил его взглядом, но в конце концов уступил и распахнул ворота.

— Я позову отца.

Чжан Бэйтин с лёгкой улыбкой приподнял край длинного халата и неспешно переступил порог, будто пришёл сюда просто прогуляться.

Сун Яньмин отвёл их в главную комнату.

— Сидите здесь и никуда не ходите. Я позову родителей.

Они сели и даже не стали особенно осматриваться.

По сравнению с домом Чжанов семья Сун действительно жила богаче. Помимо главного зала и боковых комнат по обе стороны от него, на восточной и западной сторонах двора стояли отдельные флигели. Судя по словам Сун Яньмина, за ними был ещё задний ряд комнат.

Резные двери и окна, мебель в главном зале — всё выглядело достаточно изысканно.

Но для Чжан Бэйтина, современного человека, который бывал во множестве старинных городов и не раз ходил по Запретному городу, трёхдворовый сыхэюань не представлял особого чуда.

Сун Яньцин тоже жил здесь с тех пор, как семья Сун купила этот дом несколько лет назад.

Хороших воспоминаний у него с этим местом почти не было.

Поэтому и он не стал смотреть по сторонам.

Через некоторое время в зал вошла женщина.

Ей было около тридцати шести-семи лет. На ней было вышитое платье цвета красного коралла, подчёркивавшее стройную фигуру. Несколько прядей выбились у виска и легли вдоль щёк, делая и без того мягкие черты ещё более нежными и кокетливыми.

Когда она села на главное место, Чжан Бэйтин поднялся и с улыбкой поклонился.

— Тёща.

— Какая я тебе тёща?!

Всего одной фразой он почти заставил Яо Юйчжэнь забыть о своём привычно слабом и кротком облике.

Чжан Бэйтин даже не моргнул.

— Вы мать Яньвань, значит, естественно, моя тёща. А её отец — мой тесть.

Закончив, он заметил, как у дверей на миг мелькнул край женской юбки, а затем кто-то быстро оттащил его назад.

Снаружи раздался голос Сун Маоцзу:

— Ты муж Яньцина. Значит, должен называть тестем меня.

— Тесть шутит, — ответил Чжан Бэйтин. — Вы прекрасно знаете, что я говорю не о Сун Яньцине.

За спиной Сун Маоцзу раздражённо вмешался Сун Яньмин:

— Ты уже увёл человека больше половины месяца назад. Теперь хочешь вернуться и испортить репутацию моей сестры?!

— Замолчи! — резко одёрнул его Сун Маоцзу.

Затем повернулся к Чжан Бэйтину — лицо его похолодело.

— Зачем ты сегодня пришёл?

Не дожидаясь, пока хозяин сядет, Чжан Бэйтин сам устроился в кресле.

— Вы и так знаете. Мои родители заразились поветрием и потратили почти всё состояние на лечение. Остаток ушёл на свадьбу с Сун Яньвань. А вы вместо неё прислали мне вот это...

Он мельком посмотрел на Сун Яньцина.

— Я кое-как придумал несколько блюд, каждый день таскаюсь торговать и едва свожу концы с концами. А вчера даже небо решило добить несчастного: дождь лил целый день. Не то что не заработал — ещё и последние вложения потерял. Теперь жить мне совсем не на что.

— А нам какое дело, что тебе жить не на что?! — вспыхнул Сун Яньмин. — Ты просто пришёл вымогать!

Чжан Бэйтин всем видом показывал: да, вымогать, и что вы мне сделаете?

Он поднялся, словно собираясь уходить.

— Раз вам нет дела, тогда пойду с брачным договором на улицу Циву и расскажу прохожим печальную историю. Я заплатил свадебные дары, на руках официальный договор, а семья невесты решила выдать дочь за богача и подсунула мне гэра от покойной первой жены. Такая история кого угодно растрогает. Может, какой-нибудь богатый господин или госпожа пожалеет меня и подаст пару монет.

— Стой! — грудь Яо Юйчжэнь тяжело вздымалась. — Если хочешь денег, так и скажи. Зачем

нести всю эту чушь?

Она была в ярости. Семья Сюй вот-вот должна была прислать официальные свадебные дары. Ни в коем случае нельзя позволить Чжан Бэйтину разрушить хороший брак её Яньвань.

Бэйтин неторопливо сел обратно.

— Почему сразу «хочу денег»? Я всего лишь собираюсь вернуть то, что изначально принадлежало мне.

С этими словами он бросил взгляд за дверь.

— Хотя можно и человеком вернуть.

— Муж! — Яо Юйчжэнь посмотрела на Сун Маоцзу так, будто вот-вот расплчется.

Тот стиснул зубы, долго думал и наконец спросил:

— Сколько серебра тебе нужно, чтобы ты отдал брачный договор и перестал болтать по городу?

— Сколько мои родители дали вам при помолвке?

— Восемьдесят восемь лянов, — ответила Яо Юйчжэнь.

— Мне помнится, было больше.

— Ровно восемьдесят восемь, — отрезал Сун Маоцзу. — В помолвочном письме всё записано чёрным по белому.

— Тогда покажите письмо.

У Сун Маоцзу дёрнулась жила на виске. Он посмотрел на беспомощно льнущую к нему Яо Юйчжэнь и силой проглотил раздражение.

— В моём кабинете, в третьем ящике шкафа у стены. Яньмин, принеси.

Сун Яньмин убежал почти бегом.

Пока он не вернулся, четверо в комнате не произнесли ни слова.

Вскоре Сун Яньмин прибежал обратно, тяжело дыша, и передал отцу слегка пожелтевший лист.

— Отец, вот.

Сун Маоцзу сначала сам развернул и проверил, а затем поднял документ в пяти чи от Чжан Бэйтина.

— Смотри внимательно!

Истинной целью Бэйтина были вовсе не деньги, но документ он всё равно прочитал очень тщательно.

Во второй половине письма подробно перечислялись деньги и подарки, переданные семьёй Чжан на одном из этапов помолвки: восемьдесят восемь лянов чистого серебра, шесть отрезов дорогого шёлка разных цветов и прочее.

Подождав, пока тот всё прочтёт, Сун Маоцзу убрал лист.

— Тогда верните мне восемьдесят восемь лянов, — сказал Чжан Бэйтин.

— Нет, — жёстко отказался Сун Маоцзу. — Я отдал тебе Яньцина. Я растил его девятнадцать лет. Ты обязан заплатить хоть что-то.

— Сколько хотите?

Сун Маоцзу посмотрел на Сун Яньцина. Тот всё ещё был в грубой одежде из дома Сун, даже серебряной шпильки на голове не было — только деревянная.

Немного прикинув, он не решился назвать слишком большую сумму.

— Двадцать два ляна.

— Двенадцать, — тут же ответил Чжан Бэйтин. — Остальных мелочей из списка даров хватит, чтобы покрыть его еду и одежду за много лет.

Он снова посмотрел на Сун Яньцина с таким выражением, будто это окончательная цена, а если потребуют больше, он вообще оставит Яньцина здесь.

Сун Яньцин слушал, как они торгуются о нём, и удивительным образом чувствовал себя совершенно спокойно.

Он давно знал, насколько бессердечен Сун Маоцзу. Если бы не необходимость подменить Сун Яньвань, отец всё равно без колебаний выдал бы его за любого, кто предложит достаточно денег.

А с Чжан Бэйтином они заранее всё обсудили.

Наверное, сердце просто слишком явно было на стороне одного человека. И доверие к нему было слишком прочным. Поэтому слова Бэйтина не ранили. Когда тот назвал двенадцать лянов, Яньцину даже захотелось взглядом подсказать: много даёшь.

В конце концов Сун Маоцзу уступил и согласился на двенадцать.

Яо Юйчжэнь ушла в комнату, вернулась с коробкой серебра и со злостью поставила её на стол.

— Семьдесят шесть лянов. Ни цзянем меньше. Теперь отдашь брачный договор?

— Нет. Сначала пересчитаю.

Чжан Бэйтин изобразил человека, которому серебро совсем вскружило голову.

Яо Юйчжэнь презрительно закатила глаза и отошла.

Семьдесят шесть лянов состояли из семи слитков по десять, одного на пять и нескольких мелких серебряных кусочков на один лян. Считать пришлось недолго.

Чжан Бэйтин медленно достал из-за пазухи такой же пожелтевший лист, задумался... и снова спрятал.

— Просто так я вам брачный договор не отдам.

— Чего ещё ты хочешь?! — в голосе Сун Маоцзу уже едва сдерживалась ярость.

— Если я сейчас отдам его, у вас останется и брачный договор, и помолвочное письмо. А если однажды вашей Сун Яньвань не понравится новая жизнь и вы принесёте оба документа ко мне, заявляя права на старый брак?

— Наша Яньвань станет цепляться за тебя?! — Яо Юйчжэнь окончательно потеряла осторожность. — Даже если семье Сун придётся содержать её всю жизнь, мы никогда не позволим ей вернуться к тебе!

— Кто знает, не передумаете ли вы потом, — пожал плечами Чжан Бэйтин. — В своё время

именно вы предложили породниться. Потом именно вы подсунули вместо невесты другого человека.

Сун Маоцзу помрачнел так, что лицо почти почернело.

— Тогда сегодня, здесь и сейчас, мы оба проверим документы и сожжём их вместе. Так тебя устроит?

Чжан Бэйтин нахмурился, будто серьёзно размышляя, и лишь спустя некоторое время кивнул.

— Устроит.

Затем обвёл взглядом присутствующих и остановился на Сун Яньцине.

— Пусть сожжёт он.

В главной комнате были огниво и свечи. Зажгли свечу, обе стороны достали документы, проверили подлинность и одновременно передали Сун Яньцину.

Старая пожелтевшая бумага коснулась пламени — вспыхнула сразу и вскоре превратилась в горсть серого пепла.

Все пятеро в комнате, да и прятая за дверью Сун Яньвань, одновременно почувствовали облегчение.

Камень, висевший на сердце, наконец упал.

Когда листы в руках Сун Яньцина прогорели уже наполовину, Чжан Бэйтин поднял со стола ящик с серебром.

К тому моменту, как последние кусочки бумаги обратились в пепел, он уже направлялся к выходу.

Бросив на Сун Яньцина бесстрастный взгляд, сказал:

— Пошли.

У дверей зала прятая Сун Яньвань быстро убежала. Сун Яньмин, стоявший неподалёку, не выдержал и сделал несколько шагов вперёд, перекрыв им дорогу.

Чжан Бэйтин поднял глаза.

— Когда я сегодня входил в дом Сун, старушки и тётушки под ивами всё видели. Если я не выйду отсюда целым и невредимым...

Он нарочно сделал паузу.

— Молодой господин Сун ведь тоже учился грамоте. Наверняка знает, что по законам Да Цзин полагается за подобное.

Дверь была широкой. Даже не требуя, чтобы Сун Яньмин отступил, Бэйтин просто шагнул в сторону и вывел Сун Яньцина другим краем прохода.

Уже во дворе они услышали, как Яо Юйчжэнь плачущим голосом жалуется мужу:

— А ты говорил, что он молодой талант! Посмотри, что он сегодня устроил — хуже уличного проходимца! Хорошо ещё, что мы не отдали ему нашу Яньвань.

Выйдя за ворота дома Сун, оба слегка выдохнули, но шаг не замедлили.

Они быстро шли всю дорогу. Лишь вернувшись домой, заперев ворота и рухнув в кресла главной комнаты, наконец окончательно расслабились.

Только теперь Чжан Бэйтин почувствовал настоящий страх.

За свои прошлые двадцать с лишним лет он ни разу не играл роль такого бесстыжего вымогателя.

Он повернулся к Сун Яньцину.

— Я тебя там не напугал?

— Нет.

Сун Яньцин покачал головой. Его другое удивляло.

— Как ты вообще придумал так себя вести?

— Пару раз видел, как другие делают, и запомнил, — ответил Чжан Бэйтин.

Он имел в виду истории из новостей и интернета. С бесстыжим человеком вроде Сун Маоцзу лучше всего сначала найти то, чего он боится, а потом вести себя ещё бесстыднее.

Сейчас сильнее всего Сун Маоцзу и Яо Юйчжэнь боялись одного: чтобы сорвался брак Сун Яньвань с семьёй Сюй.

Сун Яньцин решил, что Бэйтин ещё в те времена, когда родители держали заведение, посмотрелся на чужие ссоры. Поэтому больше не спрашивал.

Они посмотрели друг на друга — и оба неожиданно рассмеялись.

Смеялись над тем, как напряжены были в доме Сун и как изо всех сил изображали спокойствие.

Смеялись оттого, что теперь с этой семьёй их больше ничто не связывало.

Но вскоре слёзы сами покатались из глаз Сун Яньцина — крупные, одна за другой, словно все девятнадцать лет обид наконец нашли выход.

Чжан Бэйтин подошёл, обнял его и тихо сказал:

— Плачь. Теперь они больше не смогут тебя обижать.

В будущем они, возможно, ещё встретятся с семьёй Сун. Может быть, те даже попытаются строить козни.

Но прежнего Сун Яньцина, которого можно было безнаказанно унижать, уже не существовало.

Он плакал, пока глаза не стали совсем красными, а одежда Чжан Бэйтина на груди не промокла. Только тогда рыдания постепенно стихли.

Зато внутри было легче, чем когда-либо прежде.

Посмотрев на мокрое пятно на его одежде, Сун Яньцин смутился.

— Я испачкал тебе халат.

— Ничего.

Чжан Бэйтин встал и налил воды.

— Попей.

Они вышли рано утром, больше часа шли до дома Сун, там не выпили ни глотка, а потом столько же шли обратно.

Сам Бэйтин уже умирал от жажды. А Яньцин ещё и выплакал столько слёз.

Оба разом выпили по большой чашке воды.

Сун Яньцин посмотрел на солнце за окном и вдруг вскочил.

— Я пойду замешивать тесто для ляньпи.

Уже почти полдень. После замеса тесто надо промыть, затем дать ему отстояться около четырёх часов — иначе к дневной торговле не успеть.

— Сегодня тоже отдыхаем.

Чжан Бэйтин удержал его и снова усадил на лежак.

— После обеда съездим на запад города.

Ни родственников, ни друзей там у них не было, и покупать им там было нечего.

Под «западом города» Бэйтин подразумевал выйти через западные ворота Юньяна — туда, где за городом располагались кладбищенские холмы.

Скоро наступал Праздник голодных духов. По местному обычаю в этот период полагалось убирать могилы и делать подношения предкам, но вовсе не обязательно строго пятнадцатого дня седьмого месяца. С начала месяца и до пятнадцатого можно было выбрать любой удобный день.

— Всё равно нам рано или поздно надо туда сходить. Лучше сегодня, раз уж уже пропустили торговлю, чем потом снова терять рабочий день.

— Тогда я скажу госпоже Сунь и остальным, что сегодня им тоже не надо приходить, — предложил Сун Яньцин.

— Не спеши.

Чжан Бэйтин указал на деревянный ящик на столе.

— Сначала помоги придумать, куда спрятать вот это.

Внутри лежали целых семьдесят шесть лянов чистого серебра.

За больше чем полмесяца торговли они сами успели накопить лишь восемь-девять лянов мелким серебром.

<http://bllate.org/book/20100/1989994>